

Цзян Жану казалось, что Фан Чжуншань ушел на испытание целую вечность назад. Младший подмастерье без конца уговаривал его присесть и подождать спокойно, но упрямый шуаньэр и слышать ничего не желал. Он застыл у дверей, безотрывно глядя на вход в ожидании своего ханьцзы.

Наконец служка, объявляющий номера, снова приподнял бамбуковую занавесь, и один за другим наружу вышли пять соискателей. Цзян Жан, уже искушавший себе губы от волнения, мгновенно выхватил взглядом Фан Чжуншаня, шедшего последним.

Сяо Жан вихрем сорвался с места и с радостным криком бросился к нему:

— Старший брат Чжуншань!

Пока Фан Чжуншань был внутри, Цзян Жан места себе не находил от страха, но стоило ему увидеть мягкую улыбку на губах мужчины, как вся тревога шуаньэр мгновенно улетучилась без следа.

Заметив это, Цзян Жэньюй презрительно фыркнул. Он уже открыл было рот, собираясь отпустить пару ядовитых колкостей, но в этот момент служка громко объявил:

— Седьмая группа, на выход! Живее внутрь!

Цзян Жэньюй, который как раз числился в седьмой группе, подавился собственными язвительными словами. Опаздывать на проверку было нельзя, поэтому ему пришлось нехотя плестись следом за остальными.

Всего набралось девять групп. Поскольку время было строго ограничено, испытания завершились уже к полудню. В конце концов объявлять результаты поручили стоявшему без дела старцу Е.

— Результаты отбора будут вывешены у входа в аптеку во второй половине дня, — зычно объявил старик. — Не суетитесь понапрасну и ждите добрых вестей!

Толку торчать в душном помещении не было. Ханьцзы, проходившие испытание, немного потоптались на месте и гурьбой потянулись на улицу, решив вернуться ближе к назначенному времени.

Фан Чжуншаню и Цзян Жану идти в городе было некуда, поэтому они решили остаться в Аптеке Ветра и Облаков. Из-за утренней нервозности у маленького шуаньэр маковой росинки во рту не было, так что теперь, когда волнение улеглось, его живот жалобно заурчал. Достав припасенные дикие плоды, он вымыл их и принялся с хрустом уплетать за обе щеки.

Цзян Жэньюй тоже не спешил уходить. Своим выступлением на испытании он остался крайне

доволен, а потому вид спокойного Фан Чжуншаня не давал ему покоя. Ему до зуда в костях хотелось задеть соперника и потешить собственное самолюбие.

Выждав момент, когда Фан Чжуншань отошел поговорить со старцем Е, он тут же боком подобрался к юноше и ехидно процедил:

— Надо же, Цзян Жан! Твой ханьцзы горазд напускать на себя важный вид.

— Человек, который ни разу в жизни не поднимался на Гору Одинокого Шамана, всерьез надеется попасть в ученики к лекарю? Смех да и только!

— Погляди на себя: докатился до того, что грызешь лесную кислятину от нищеты. Я ведь предупреждал — без поддержки семьи Цзян ты никто и звать тебя никак. И на какую долю ты рассчитывал, связавшись с этим голодранцем?

У этих людей из семьи Цзян — что у старых, что у малых — за душой вечно крутилась паратройка одних и тех же заезженных фраз. Цзян Жану уже тошно было слушать это нытье.

Ему ли не знать, на что способен Фан Чжуншань!

Тот мог шутя подняться в горы и принести оттуда драгоценную траву-светильник ценой в целых пять лянов серебра! Каждый раз он возвращался домой то с жирной рыбой, то со знатной дичью. А еще он умел торговать лесными плодами, запекать дикие орехи и читал сложные книги по медицине!

Да в их деревне ни один ханьцзы не умел и половины того, что умел Чжуншань!

Цзян Жан со злостью вгрызся в спелую мякоть дикого плода. Сладкий, брызжущий соком фрукт немного унял его гнев, и шуаньэр резко отрезал:

— По крайней мере, со старшим братом Чжуншанем я всегда сыт и одет в теплое. А что у меня было в доме Цзян? Одно собачье отношение!

Фан Чжуншань хоть и вел беседу со старцем Е, но из виду юношу не упускал. Заметив, что к его маленькому мужу прилип Цзян Жэньюй, он тут же поспешил обратно, готовый защитить своего шуаньэр от нападок.

Он подошел как раз вовремя, чтобы расслышать последние слова спора.

Фан Чжуншань властным движением приобнял юношу со спины и ожёг Цзян Жэньюя ледяным взглядом:

— Побои, вечные крики и голод — вот это, по-твоему, хорошая жизнь?

— Твоя семья Цзян до нитки обобрала и замучила беззащитного сироту, а ты еще смеешь здесь вякать? Будь я на твоём месте, давно сгорел бы от стыда и носа на улицу не показывал. Но у тебя, я вижу, наглости хоть отбавляй, а шкура толще крепостной стены!

Цзян Жэньюй побагровел от ярости. Сравнение с бродячим псом, лающим без умолку, лишило его остатков разума. Забыв обо всем на свете, он замахнулся, намереваясь отвесить Цзян Жану пощечину.

В глазах Фан Чжуншаня вспыхнул опасный огонек. Одним стремительным движением он укрыв мужа за своей спиной, шагнул вперед и с силой впечатал кулак прямо в лицо наглеца.

— Совсем страх потеряли! Всякая шелупонь будет распускать руки в моем присутствии! Что, уроков отца Цзян тебе оказалось мало?

Фан Чжуншань слов на ветер не бросал: если уж бил, то наотмашь, вкладывая в удар всю тяжесть своего тела.

Удар пришелся точно в скулу. Цзян Жэньюй, взыв от боли, схватился за лицо и уставился на противника полными слез и изумления глазами:

— Ты... ты поднял на меня руку?!

— Я засужу тебя! Уездный судья сгноит тебя в темнице!

Фан Чжуншань равнодушно пожал плечами:

— Валяй, жалуйся. Твоя семейка измывалась над беззащитным шуаньэр, ты прилюдно оскорблял моего супруга, а я лишь защищал свою семью от буйного грубияна.

— Посмотрим, чье имя судья прикажет высечь на позорном столбе и кто в итоге станет посмешищем для всей округи — твоя семейка или я.

Даже если бы дело дошло до суда, за такую оплеуху Фан Чжуншаню грозил бы в худшем случае копеечный штраф на лекаря. Зато после недавнего визита Фан Чжуншаня с тесаком наперевес семья Цзян и без того лишилась всякого уважения в Деревне Речного Отдыха.

Цзян Жэньюй смертно боялся навлечь на дом новые пересуды и разгневать Старшего дядю Цзян. Скуля и зажимая разбитое лицо ладонью, он мысленно кромсал наглого ханьцзы на куски, но на деле не посмел вымолвить ни слова угрозы. Буркнув себе под нос какое-то нелепое оправдание, он позорно ретировался.

К назначенному часу у дверей аптеки начала собираться толпа. Любопытство и тревога заставили Цзян Жэньюя притащиться обратно. На этот раз он вел себя тише воды, ниже травы: не решаясь приближаться к Фан Чжуншаню, он забился в самый дальний угол площадки и оттуда тянул шею, пытаясь рассмотреть списки.

Вскоре из дверей вышел молодой подмастерье со стопкой красной бумаги, на которой каллиграфическим почерком были выведены имена лучших кандидатов в порядке убывания их баллов. Листы аккуратно наклеили на каменные пилоны по обе стороны от входа.

Собравшиеся ханьцзы хлынули вперед, толкаясь локтями. Спустя мгновение над толпой пронесся изумленный возглас:

— Фан Чжуншань?! Кто это такой?

Людской муравейник загудел, точно потревоженный улей:

— Из какого он клана сборщиков? Впервые слышу это имя!

— Как безвестный деревенщина умудрился занять первое место?!

— Здесь точно замешаны взятки! Наверняка у него есть влиятельный покровитель! И это знаменитая Аптека Ветра и Облаков? Позор! Связались с мошенниками!

Яростнее всех кричали двое: ошарашенный Цзян Жэньюй и Чжао Вэньпэн, чье имя красовалось на второй строчке списка.

В отличие от прочих соискателей, Чжао Вэньпэн происходил из потомственной семьи аптекарей. Его клан держал собственное дело, но его масштабы не шли ни в какое сравнение с делом Божественного лекаря Цая. Парень рассчитывал поучиться у знаменитого мастера, чтобы вернуться домой с почетом и славой.

Чжао Вэньпэн был молод, но одарен, его с малых лет превозносили как гения. Высокомерный юнец привык смотреть на окружающих свысока и теперь никак не мог смириться с тем, что безродный выскочка обошел его на повороте.

Старец Е, разумеется, узнал о решении судей первым. Как только красные листы прикрепили к стене, он с широкой улыбкой повернулся к Фан Чжуншаню и крепко похлопал его по плечу, зайдясь громогласным хохотом:

— А я ведь говорил! Говорил, что у тебя природный дар к лекарственному делу! А этот упрямый старый хрыч Цай Сюань еще сомневался! Поглядим теперь, как он заговорит!

Фан Чжуншань хоть и надеялся на успех, все равно ощутил легкий трепет, увидев свое имя на вершине списка. Он только открыл рот, чтобы вежливо поблагодарить старца Е, как за его спиной поднялся невообразимый гвалт. Недовольные ханьцзы требовали справедливости и объяснений от руководства аптеки.

Молодые служки, попытавшиеся утихомирить разгоряченных мужчин, мгновенно попали под раздачу — их грубо отталкивали, едва не сбивая с ног.

Заметив назревающую потасовку, старец Е мигом растерял благодушие. Нахмутив седые брови, он зычно крикнул:

— Что за бунт вы тут устроили?!

— Наша аптека веками дорожит своим честным именем. Если у кого-то есть сомнения — говорите спокойно, а не распускайте руки!

Чжао Вэньпэн сгорал от подозрений, но портить отношения со старейшиной Е ему не хотелось. Пока он колебался, стоит ли подавать голос, вперед выскочил беснующийся Цзян Жэньюй.

— Уважаемый старец Е! Произошла чудовищная ошибка! — вопил он, брызжа слюной. — Уж кому, как не мне, знать всю подноготную этого негодяя!

— Фан Чжуншань — обыкновенный деревенский лоботряс и драчун! В Городе Процветающего Ян он приставал к приличным девицам, за что брат одной из них спустил его с моста в реку! Как этот невежественный смутьян мог обойти благородных господ и занять первое место?!

— Здесь явно пахнет сговором и подкупом! Требуем пересмотра!

Цзян Жэньюй распалялся все сильнее, яростно жестикулируя прямо перед носом старца, и совершенно не замечал, как лицо старца Е наливается гневом.

— Хочешь сказать, Аптека Ветра и Облаков берет взятки и подтасовывает результаты? — ледяным тоном спросил старец. — Ты обвиняешь нас во лжи и думаешь, что мы устроили это испытание ради забавы?

Под тяжелым, пронзительным взглядом старика спесь с Цзян Жэньюя мигом слетела. Сжавшись, он испуганно замахал руками:

— Нет-нет, что вы! Мы бесконечно уважаем аптеку! Просто этот проходимец никогда не изучал лекарственное дело. Как он мог превзойти стольких почтенных мастеров? Он наверняка смухлевал!

— Именно! Без обмана тут не обошлось! — подхватили из толпы.

Чжао Вэньпэн понял, что настал его час. Шагнув вперед, он почтительно поклонился старцу Е и заговорил вкрадчивым, но уверенным тоном:

— Мы ни на миг не сомневаемся в кристальной честности Аптеки Ветра и Облаков. Однако негодяи хитры, и этот деревенщина вполне мог прибегнуть к грязным уловкам, чтобы обмануть почтенных экзаменаторов.

— Наша неудача — пустяк по сравнению с тем, какой урон понесет репутация вашего великого заведения, если наружу всплывет правда о жульничестве этого выскочки.

Слова так и лучились заботой о благе аптеки, но старец Е за долгую жизнь повидал немало таких прохвостов. Он сразу раскусил мелкую душонку Чжао Вэньпэна.

Сбрось они Фан Чжуншаня с пьедестала — и заветное первое место само упадет в руки хитрому юнцу.

Старик мысленно усмехнулся. Молокосос еще слишком глуп и самонадеян: все его коварные помыслы отражались на лице так явно, словно были написаны тушью.

Цзян Жан, только-только начавший радоваться победе своего ханьцзы, растерянно замер, напуганный натиском разъяренной толпы.

Услышав гнусные наветы, маленький шуаньэр задрожал от обиды. Из глаз его едва не брызнули слезы, а в голосе послышались панические нотки:

— Вы все врете! Старший брат Чжуншань сдал все сам, своим умом! Какое право вы имеете чернить его честное имя?!

Один из самых нетерпеливых ханьцзы, заметив, что в спор ввязался шуаньэр, грубо прикрикнул на него:

— Не суй свой нос в дела ханьцзы, малявка! Забирай своего мужа-проходимца и проваливайте обратно в свою глушь, пока целы!

Эти невежды твердо вознамерились сделать Фан Чжуншаня безвинной жертвой своих обид и зависти.

Пока обвиняли его самого, Фан Чжуншань хранил ледяное спокойствие. Но стоило этому грубияну сорваться на крик в адрес его кроткого мужа, как терпение мужчины лопнуло. Его взгляд потемнел от едва сдерживаемой ярости.

— Экзамен принимал лично Божественный лекарь Цай, — звенящим от гнева голосом произнес Фан Чжуншань. — Мы заходили по пять человек. Помимо меня в комнате находились еще четверо соискателей, мастер и двое его помощников. Никто из них не заметил обмана. А теперь, когда вы увидели результаты своей бездарности, решили облить меня грязью?

— Скажите прямо: у вас действительно есть доказательства или вам просто тошно видеть, что безродный охотник оказался умнее потомственных грамотеев?

— Зависть — болезнь пренеприятная, но излечимая. Запишите рецепт: один мао спаржи лекарственной, три мао цветка теплого лотоса и десяток стеблей бамбуковой травы. Залить кипятком, настоять и принимать трижды в день. Живо снимет жар с ваших завистливых глаз!

— Хотя нет, боюсь, тут даже великий лекарь бессилен. У вас поражены не только глаза, но и гнилые, злобные сердца. Такое не лечат — проще сразу отнести на кладбище и присыпать землей, чтобы воздух не пачкали.

Хлесткие, полные яда слова Фан Чжуншаня заставили Чжао Вэньпэна попятиться. Под этим тяжелым взглядом он растерял весь свой надменный лоск.

Обстановка накалялась с каждой секундой. Видя, что дело идет к драке, старец Е тяжело вздохнул и вмешался:

— Ладно, раз вы не верите моим словам и таланту Фан Чжуншаня, то авторитет Божественного лекаря Цая для вас хоть что-то значит? Сейчас я позову хозяина, пусть он рассудит этот глупый спор.

Спустя пару минут на крыльцо неспешно вышел сам Цай Сюань. Выслушав путанные объяснения своего помощника, он окинул Цзян Жэньюя и Чжао Вэньпэна насмешливым взглядом сощуренных глаз.

Он загадочно спросил:

— Гляжу, вы двое громче всех кричите о справедливости, — протянул он. — Должно быть, ваши собственные ответы были верхом совершенства?

— Ваши свитки все еще лежат у меня на столе. Что ж, раз у вас возникли сомнения, мы вывесим экзаменационные листы Фан Чжуншаня и ваши собственные прямо здесь, на всеобщее обозрение. Пусть люди сравнят и сами решат, заслуженно ли он занял первое место.

— Фан Чжуншань, ты не против такого суда?

Чжао Вэньпэн задохнулся от обиды, уловив в тоне лекаря явное покровительство. Гордость не позволяла ему признать превосходство какого-то безграмотного охотника:

— Ваше предложение мудро, Божественный лекарь Цай.

— Но что, если окажется, что этот человек действительно незаслуженно присвоил чужую победу? Какое наказание его ждет? И как тогда решится судьба первого места?

Фан Чжуншань не выдержал и весело расхохотался, глядя на напыщенного юнца свысока:

— Если мои знания окажутся скуднее твоих, я без малейшего сожаления уступлю тебе первенство.

— Но прежде чем ты успеешь обрадоваться, — охотник прищурился, — скажи: если моя работа окажется чиста, как вы ответите за свои грязные языки? Что я получу за напрасный навет?

Обвинители опешили. На их лицах отразилось искреннее недоумение:

— Какое еще возмещение? Радуйся, что тебя оправдали, с какой стати мы должны платить тебе?

Фан Чжуншань покачал головой, дивясь такой непроходимой глупости.

— Вы без зазрения совести оболгали меня перед честным людом. Я еще не успел переступить порог аптеки, как вы смешали мое имя с грязью.

— Или вы позабыли уложения Страны Великого Спокойствия? Клевета и подрыв чужой чести караются палками и каторгой. Желаете примерить кандалы?

Услышав о судебском уложении и тюрьме, Чжао Вэньпэн занервничал. Он надеялся лишь припугнуть деревенщину и заставить лекаря пересмотреть результаты, но этот охотник оказался на удивление зубастым.

Попадать в темницу из-за глупой склоки парню совсем не хотелось, но азарт и упрямство взяли верх. «А вдруг он и впрямь списал?» — промелькнула трусливая мысль.

Поколебавшись, Чжао Вэньпэн выпятил грудь и решительно выпалил:

— Хорошо! Если твоя работа безупречна — я выплачу тебе десять лянов серебра в качестве извинения!

Десять лянов! Толпа зевак восторженно ахнула. Для простого деревенского жителя это были огромные деньги, на которые можно было безбедно жить полгода.

Фан Чжуншань довольно улыбнулся. В его голове созрел прекрасный план.

Он повернулся к притихшим крикунам и зычно провозгласил:

— Господин Чжао ставит десять лянов против моей правоты! Кто еще готов ответить за свои слова монетой?

— Я насчитал шестнадцать человек, которые громче всех обвиняли меня в обмане. Будет несправедливо, если вы останетесь в стороне. Ну же, господа, покажите вашу смелость!

Намек был предельно ясен: без звонкой монеты Фан Чжуншань и пальцем не пошевелит, чтобы потешить чужое любопытство своими ответами.

Большинство соискателей происходили из зажиточных семей торговцев. Выложить десять лянов, как Чжао Вэньпэн, они не могли, но три-пять лянов для них не были разорением.

Один из приятелей Чжао Вэньпэна, желая поддержать друга, шагнул вперед и швырнул на стол кошель:

— Я ставлю пять лянов! Ни за что не поверю, что неотесанный дикарь из глухой деревни превзошел нас в грамоте!

Его пример оказался заразительным, и вскоре еще несколько человек поспешили сделать свои ставки, надеясь проучить наглого чужака.

Цзян Жэньюй исходил желчью. Он не имел за душой ни гроша, но жажда увидеть крах Фан Чжуншаня туманила разум.

В деревне все знали, что Фан Чжуншань едва умеет читать и писать. Откуда у простого охотника глубокие познания в медицине? Он наверняка где-то сжульничал!

«Не мог он сдать сам! Это чистой воды мошенничество!» — уверял себя парень.

Поймав на себе издевательский взгляд Фан Чжуншаня, Цзян Жэньюй окончательно лишился рассудка и выкрикнул:

— Десять лянов! Я тоже ставлю десять лянов!

— Фан Чжуншань, тебе не удастся обвести меня вокруг пальца! Я выведу тебя на чистую воду!

Охотник едва сдержал победную усмешку. Напустив на себя суровый вид, он холодно произнес:

— Слова — лишь ветер. Мы запишем наши условия на бумаге и скрепим подписями.

— А почтенный Божественный лекарь Цай выступит свидетелем нашего уговора.

Цай Сюань лишь покачал головой. Он сразу понял, что этот хитрый парень расставил ловушку для самонадеянных глупцов, и те послушно в нее прыгнули.

Лекарь не стал мешать веселью и лично составил бумагу, заверив ее своей печатью.

Ослепленный злобой Цзян Жэньюй, кичась своей высокой ставкой, потребовал внести в соглашение особое условие: если обман вскроется, Фан Чжуншань должен будет на коленях, изображая собаку, проползти вокруг деревни Цзян и Деревни Речного Отдыха.

Когда все подписи были поставлены, потерявший терпение Цай Сюань велел службе принести экзаменационные листы Фан Чжуншаня из его личного кабинета.

Подмастерье бережно развернул свитки, и лекарь закрепил их прямо под списком победителей.

Толпа мгновенно затихла. Ханьцзы, вытягивая шеи, принялись жадно вчитываться в ровные строчки иероглифов.

— Трава Жаркого Месяца! Так вот как называется это растение! — выдохнул один из кандидатов, округлив глаза от изумления.

— А я ведь держал ее в руках, но так и не смог вспомнить название! Поразительно!

— И трава Лунной Черепахи! Я же только вчера читал о ней, но на экзамене все из головы вылетело!

— Посмотрите, он не просто правильно назвал редкие виды, но и в деталях расписал их свойства и применение! Тут ни единой пометки!

Цай Сюань выждал, пока гул восторженных голосов поутихнет, и веско кашлянул:

— Когда Фан Чжуншань заполнял эти листы, я находился рядом. Работа выполнена безупречно, без чьей-либо помощи.

— Теперь, когда вы сами убедились в его мастерстве, эту нелепую комедию пора заканчивать.

Против авторитета Божественного лекаря возразить было нечего.

Лицо Чжао Вэньпэна пошло багровыми пятнами. Если бы его обошел наследник другого великого медицинского клана, он бы еще смирился. Но простой деревенский парень, выросший среди пашен... Как такое возможно?!

Цзян Жэньюй стоял ни жив ни мертв, в его ушах набатом стучало единственное слово: «Пропал!» Десять лянов серебра! И расписка заверена самим Божественным лекарем Цаем! Фан Чжуншань теперь с него живого не слезет. Для его семьи такая сумма была неподъемным богатством. Где ему взять эти деньги?!

Насладившись зрелищем чужого отчаяния, Фан Чжуншань неторопливо подошел к побежденным соперникам:

— Что ж, полагаю, моя честность более не вызывает вопросов?

Ни у кого не повернулся бы язык поспорить. Глядя на каллиграфический почерк и безупречное описание лекарственных трав, каждый из присутствующих ханьцзы понимал: сам он не справился бы и с половиной этих заданий.

Маленький шуаньэр гордо вздернул подбородок и смерил недавних обидчиков самым грозным взглядом, на какой был способен.

Но стоило ему повернуться к Фан Чжуншаню, как его круглые глаза радостно заблестели, а на щеках проступили очаровательные ямочки.

Глупая затея завистников обернулась для них полным крахом.

Чжао Вэньпэн, хоть и сгорал от стыда и злости, происходил из богатой семьи. С трудом сдерживая дрожь в руках, он отсчитал десять блестящих лянов и протянул их победителю.

Остальные спорщики, чьи ставки были скромнее, тоже поспешили расплатиться, лишь бы поскорее замять неприятный разговор.

Один лишь Цзян Жэньюй стоял посреди площади, бледный как полотно, не зная, куда девать глаза от стыда и ужаса.

Десять лянов серебра... Даже если он продаст все свое скудное имущество до последней циновки, он не наскребет и малой части этой суммы!

Парень мысленно проклинал себя за глупость. Зачем, ну зачем он полез на рожон?!

Фан Чжуншань не собирался проявлять жалость. Он аккуратно свернул расписку и с мягкой улыбкой произнес:

— Десять лянов серебра, срок — десять дней. Если не вернешь долг вовремя, встретимся в суде уездного Города Процветающего Ян.

Цзян Жэньюй заскрежетал зубами от бессильной ярости:

— Не радуйся раньше времени, Фан Чжуншань... Настанет день, когда ты горько пожалеешь об этом...

Охотник даже не удостоил его ответом. Он просто взял своего притихшего шуаньэр за руку и повел прочь от суетливой толпы.

Цай Сюань был чрезвычайно доволен новым учеником, однако из врожденной строгости не подал виду. Напустив на себя суровый вид, он напутствовал:

— Ты выдержал испытание, и отныне принят в ученики к Божественному лекарю Цаю.

— Завтра списки будут объявлены официально. Даю тебе три дня, чтобы уладить домашние дела и собрать пожитки. Твой путь познания только начинается, работы предстоит много.

Из прежних разговоров со старцем Е Фан Чжуншань знал, что ученичество у Божественного лекаря — это не только почет, но и тяжелый ежедневный труд.

Младшие подмастерья дневали и ночевали в аптеке, трудясь не покладая рук по две недели кряду ради редкого дня отдыха.

И этот изнурительный уклад жизни менялся лишь тогда, когда наставник признавал ученика полноправным лекарем.

Понимая, что добираться из Деревни Речного Отдыха неблизко, Цай Сюань проявил снисходительность и позволил Фан Чжуншаню уехать домой на несколько дней.

— Путь из Города Процветающего Ян до твоей деревни неблизкий. На дорогу уйдет уйма времени и сил. В жилом крыле за аптекой есть свободные комнаты, выбери себе любую.

Лекарь мельком глянул на жмущегося к охотнику юношу и с усмешкой добавил:

— А раз ты женат, забирай и своего маленького мужа с собой. Выбирай комнату просторнее, чтобы не тесниться.

Поутру, направляясь в город, оба супруга места себе не находили от волнения. Но теперь, возвращаясь домой на неторопливой повозке, запряженной осликом, они наконец-то смогли

вздохнуть с облегчением.

Цзян Жан весело болтал босыми ногами, сидя на краю покачивающейся телеги. На его губах играла счастливая улыбка.

— Старший брат Чжуншань, ты у меня самый лучший! — восхищенно щебетал шуаньэр. — Видел бы ты, как важничал передо мной Цзян Жэньюй в деревне!

— Вернемся домой, и я обязательно расскажу все дяде Линю и дяде Цзяну! Представляю, как они обрадуются!

— Жаль только, что Цзян Мо уже женили и отправили в другую деревню, а не то я бы во всех красках расписал ему позорное бегство Цзян Жэньюя!

Фан Чжуншань уже слышал это имя раньше — Цзян Мо был единственным близким другом Цзян Жана до брака.

При упоминании старого друга Цзян Жан вдруг осекся. Его веселое личико мгновенно стало не по-детски серьезным, и он, робея, придвинулся ближе к мужу.

Фан Чжуншань сразу почувствовал это робкое движение. Ощувив тепло чужого плеча, он с улыбкой опустил взгляд на юношу:

— Что случилось? Неважно себя чувствуешь?

Цзян Жан лишь упрямо поджал губы, не сводя с него сияющих глаз.

«Объятия старшего брата такие теплые... — забилося в мыслях маленького шуаньэр. — Теплее самого пышного ватного одеяла в лютый мороз!»

Повозка мерно поскрипывала, копыта ослика мерно цокали по пыльной дороге. Вокруг не было ни души, и Цзян Жану казалось, что во всем мире остались только они вдвоем.

Охотник заволновался, решив, что парень расстроился из-за нападок родни. Он уже открыл рот, чтобы ласково успокоить его, но в этот миг Цзян Жан решительно потянулся к нему лицом.

Мягкие, слегка влажные губы робко прижались к его губам. Они были так близко, что Фан Чжуншань мог пересчитать каждую пушистую ресничку на закрытых веках юноши.

«Поцеловал...» — растерянная мысль вихрем пронеслась в голове мужчины.

Конечно, это сложно было назвать настоящим поцелуем — юноша просто неумело прижался к его губам, затаив дыхание от смущения.

Фан Чжуншань невольно улыбнулся про себя, глядя на это трогательное старание.

«Совсем еще дитя... Даже целоваться толком не умеет»

До этой минуты охотник искренне верил, что оберегает Цзян Жана лишь из жалости и чувства долга перед беззащитным сиротой.

Но сейчас, когда его сердце пропустило удар, он со всей ясностью осознал — простое сострадание не заставляет кровь бурлить в жилах от невинного прикосновения губ.

Ему хотелось большего. Намного большего.

Но прежде чем он успел обнять мужа, Цзян Жан, покрасневшись до самых кончиков ушей, испуганно отпрянул назад.

«...»

Фан Чжуншань потемневшим от волнения взглядом смерил юношу и хрипло спросил:

— Кто тебя этому научил?

Он слишком хорошо знал своего маленького мужа. Сяо Жан был невинен и прост душой, он вряд ли сам додумался бы до такого шага.

Наверняка тут приложил руку кто-то со стороны.

Смущенный шуаньэр спрятал лицо в ладонях, и на его щеках заиграли прелестные ямочки:

— Это мне Цзян Мо по секрету поведал...

— Он говорил, что ни один ханьцзы не устоит перед нежностью своего мужа. И если тихонько коснуться губ своего мужчины, тот сразу забудет про все невзгоды и станет самым счастливым на свете!

Юноша робко заглянул ему в глаза и тихо спросил:

— Старший брат Чжуншань, тебе ведь стало хоть чуточку теплее на душе?

— Ты рад?

«Рад ли я?.. Да у меня сердце из груди выпрыгивает!» — мысленно выдохнул охотник.

С тихим вздохом Фан Чжуншань притянул смущенного шуаньэр к себе и заключил в крепкие объятия. Он уже собирался запечатлеть на его губах настоящий поцелуй, как повозка резко остановилась.

Пожилой возница обернулся и весело крикнул:

— Господа, приехали! Вот и ваша Деревня Речного Отдыха!

Цзян Жан испуганной птицей вырвался из рук мужа и кубарем скатился на землю. Оказавшись в безопасности, он весело помахал застывшему в недоумении охотнику:

— Старший брат Чжуншань, идем скорее домой!

Дядя Линь знал, что сегодня решается судьба Фан Чжуншаня в городе. От волнения он не мог заставить себя пойти в горы за добычей и за день несколько раз прибегал к их скромному дому, надеясь застать хозяев.

Наконец, когда небо окрасилось багряными тонами заката, у околицы показались знакомые силуэты.

Дядя Линь бросился им навстречу:

— Чжуншань! Ну как?! Приняли?!

Увидев согласный кивок охотника, мужчина шумно выдохнул и со всего размаху хлопнул парня по плечу:

— Ну молодец! Ну упрямец! Я верил в тебя! Стать учеником в самой Аптеке Ветра и Облаков! Да наши потомственные сборщики о таком и мечтать не смеют, а ты взял и утер всем нос!

Мужчина радостно потирал ладони. Фан Чжуншань, тронутый такой искренней заботой, дружелюбно предложил:

— Дядя Линь, помнишь того жирного кролика, которого ты мне принес? Давай зажарим его прямо сейчас в честь нашей победы!

Линь Фэн удивленно округлил глаза:

— Зажарить? Это как? На вертеле, что ли?

Фан Чжуншань лишь загадочно улыбнулся в ответ.

Металлической решетки у него не было, но смекалка не подвела охотника. Он срезал во дворе несколько прочных стеблей бамбука, связал их крест-накрест гибкой лозой и надежно закрепил на этой конструкции тушку кролика.

В поварском деле Фан Чжуншань знал толк. Он не стал разводить буйный огонь, а аккуратно распределил тлеющие угли и подвесил мясо над мягким, ровным жаром, терпеливо поворачивая бамбуковый вертел.

В тихом просторном дворе догорал закат. Цзян Жан и дядя Линь устроились на деревянных чурбаках и заворуженно наблюдали за неторопливыми движениями охотника.

Стоило Фан Чжуншаню присыпать тушку щепоткой крупной соли, как мясо аппетитно зашипело, источая прозрачный сок. Капли жира с тихим треском падали на раскаленные угли, и по двору поплыл одуряющий, густой аромат жареного мяса.

Изголодавшийся за день шуаньэр смешно сморщил носик и, точно ласковый котенок, придвинулся ближе к мужу, преданно заглядывая ему в руки.

Вид этого маленького лакомки заставил мужчин весело рассмеяться.

Фан Чжуншань орудовал простым каменным ножом с ловкостью заправского повара. Он легко пластовал сочное, покрытое золотистой корочкой мясо на аккуратные, тонкие ломтики.

Наконец пришел черед приправы, купленной у старца Е. Охотник достал сушеные листья водяного перца, мелко растер их в ладонях и щедро приправил готовое блюдо.

Цзян Жан, у которого еще свежи были воспоминания о жгучем, вяжущем вкусе водяного перца, испуганно отпрянул назад:

— Ой, нет! Только не эта трава! Мой язык от нее весь день немел!